

произведений из окружающей нас жизни, он наделяет повествование особой поэтичностью, свежестью. Жизненность и эмоциональная яркость повестей Айтматова всегда с волнением воспринимаются читателем.

Волнение это не покидало меня и при чтении «Белого парохода» — талантливой повести, где, как мне думается, с наибольшей четкостью выявились все сильные стороны Чингиза Айтматова-художника. Но не только эти качества.

— Читал ли ты «Белый пароход»? Это страшная вещь. Прочти.

— Читал ли ты «Белый пароход»? Это прекрасное! Великолепно! Но вот зачем?.. Нужно ли так?

— Читал ли?.. Вначале я не понял. Потом понял и ужаснулся...

Все эти слова я слышал от истинных поклонников таланта Чингиза Айтматова, от его друзей, среди которых были и писатели. Не скрою, меня тоже волновали подобные вопросы, когда я брался за рецензию. Ведь речь шла о книге писателя, чье творчество дорого для меня. Именно чувством глубокого уважения к автору руководствовался я, решившись высказать вслух свои мысли, которые, конечно же, могут быть и спорными.

Начну с того, что мне представилась возможность в какой-то мере избежать укorenившейся в нашей литературной практике формы рецензии — пересказа содержания, так как я уверен, что «Белый пароход» уже наверняка прочитан многими, к тому же свои впечатления о повести высказали в «Литературной газете» В. Солоухин и Д. Стариков. Читатели знают, что в центре новой повести Чингиза Айтматова два человека. Дед и внук. Вся окружающая действительность передается через восприятие мальчика, которому пошел восьмой год. Непомерный груз возложен писателем на слабые плечи малыша. Слишком много ран нанесено детскому сердцу. Бросила родная мать, покинул родной отец. Не но двору пришлось он и в маленьком, всего в три дома, по-

селке на лесном кордоне.

Вся человеческая доброта для мальчика была воплощена в Момуне. Об этом говорило даже имя деда — Момун в переводе означает добрый, спокойный. Это был «единственный человек, который в мальчике души не чаял». Он был «простецким, чудаковатым стариком, которого умники прозвали Расторопным». Доброта Момуна имеет свою нравственную основу, которую он сам сформулировал словами: «На то мы, бугинцы, и в родстве от самой прародительницы нашей — Рогатой Матери-оленихи. А она, пречудная Мать-олени-

хи и святы для всех. Это к слову, чтобы подтвердить: момуны эти — не фанатики, но они всегда смертно могут постоять за добро, за святость своих традиций.

Как святыню, хранил Момун легенду о Рогатой Матери. Была легенда-мечта и у мальчика. Эти две сказки — две легенды цементируют повесть, обрамляют ее, придают ей направленность и силу.

Первая из них — о Рогатой Матери-оленихе — сложнее, и родилась она еще в глубокой древности, когда киргизские племена жили на берегах Энеася (Енисея). В поисках своих истоков в природе народ

ми рогами. Они убили мальчика и схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно плакала. Прелание гласит, что вследствие проклятий рогатой девицы Асан и Кара-Мурза не имели потомства.

Родоначальник Мирза-Кул, которому представили чудесную деву, отдал ее в замужество за своего внука Яманкула. По свидетельству потомства, эта родоначальница была женщиной непростая (в смысле сверхъестественном) и прославилась своей необыкновенной мудростью под именем Муюз-байбиче (рогатой матери). Говорят, что впоследствии она лишилась необыкновенного украшения своего черепа и, омывая голову водой, приказала служанке выливать воду в месте, где не ходил человек. Служанка, исполнявшая эту миссию, из любопытства, может быть, не находя соответ-

«Красота», противостоящая мраку, как сказано В. Солоухиным, а именно от дедовой легенды родилась в душе мальчика сказка о Белом пароходе. Потому что если человек может воплотиться в белого марала, то почему же он не может стать рыбой?

Как бы там ни было, под пером мастера эти две легенды органически продолжают одна другую, придают повести глубокую историчность. Перекликаются времена. Мать-олениха из древности и Белый пароход из наших дней. Дед и внук. Прекрасное логическое продолжение тысячелетней легенды.

ное не в том, как и по чьему приказу, желанию, прихоти и даже насильно убита маралиха, а в том — кто физически убил ее? Это главный вопрос. Тут уж нельзя не согласиться с тем собеседником, который говорил: «Это страшная вещь». Так и хочется крикнуть: не мог, не мог дед Момун убить маралиху! Не мог потому, что он служил добру, вернее, добро было в нем самом, в его существовании, и он не мог не восстать, не скрестить свой меч справедливости со злом в смертельной схватке. Он не мог не знать, что, убив маралиху, он убьет и себя как человека. Ведь он уже предчувствовал эту схватку, он был готов к ней и сам первым бросил вызов Орозукулу, когда надо было вовремя привезти мальчика из школы.

И еще. Сказки разные бывают. Сказки об истоках бессмертны. Они живут в памяти, пока жив народ, создавший их. В них жизнеутверждающий источник для вдохновения поэтов и писателей всех времен.

Это первоосновы гуманизма наших культур. Прав ли художник, который, осветив свое творение о нашей сегодняшней действительности тысячелетней легендой о добром и прекрасном, решил возвысить зло над светом и красотой?

Ведь произведение искусства приобретает оптимистическую направленность и целостность, включая всякие иные толкования только тогда, когда основой для него служит борьба со злом в высшей мере социальная, масштабная, что ли. Именно такой подход к назначению искусства видим мы и в самой легенде о Рогатой Матери, взятой в основу «Белого парохода». Так стоило ли интерпретировать ее иначе и возводить плотину у ее светлого финала, обращенного к нам, к нашему будущему? Ведь под пером такого яркого дарования, как Чингиз Айтматов, благодаря силе воздействия сотворенного им произведения победа Орозукула над Момуном превратилась в

символ безысходности и мрака...

Прочитав «Белый пароход», я невольно вспомнил первую повесть Чингиза Айтматова «Лицом к лицу». В чем-то очень существенном она схожа с «Белым пароходом». И там есть человек, подобный Орозукулу, — это предатель Родины Исмаил. Но в то же время там есть нечто такое, что дает повествованию совершенно иное звучание.

Покорная раба своего мужа, тихая, пугливая и трепещущая от страха перед всеми, слабая Сейде восстает против мужа, когда тот зарезал соседскую корову — кормилицу голодной семьи солдата, погибшего на войне, чтобы накормить своих собственных детей, детей Сейде. Сейде потрясена жестокостью Исмаила, она восстает против зла и несправедливости. Она сама ведет солдат в логово Исмаила, идет навстречу пулям.

«И в эту минуту из камышей высочил Исмаил... Задыхаясь от ярости, он поднял винтовку для удара и грозно двинулся к жене.

Все больше сокращалось расстояние между ними. Вот они сблизилась вплотную, лицом к лицу. И он не узнал прежней Сейде. Эта была другая, не знакомая ему женщина: седоволосая, с непокрытой головой, она бесстрашно стояла перед ним, держа в руках сына. И ему вдруг показалось, что она стоит высоко, очень высоко, недосягаемая в своем скорбном величии, и он бессилей перед нею.

Исмаил пошатнулся, с силой швырнул винтовку навстречу подбегавшим солдатам и поднял руки».

Еще вспомнился мне мальчик-художник, ровесник внука Момуна, через чье восприятие мы познали красоту и были свидетелями прекрасной любви Джамили и Данияра.

И, видимо, эти качества — умение писателя в высшей степени художественно выявить социальную сущность явлений, выводить своих героев, а вместе с ними и читателей к голубым тропам надежд и мечты — имел в виду Мухтар-ага, когда говорил о «светлой, оптимистичной направленности» творчества Чингиза Айтматова, а не такую победу, какую одержал Орозукул над Момуном, над светлой мечтой мальчика.

ТРАГЕДИЯ НА ЛЕСНОМ КОРДОНЕ

Ануар АЛИМЖАНОВ

О СОБОЕ внимание к творчеству Чингиза Айтматова у нас в Казахстане объясняется не только тем, что многие наши молодые литераторы учатся у него мастерству. Причины лежат гораздо глубже. Это и кровное родство наших культур, и тысячелетняя общность судеб казахов и киргизов, единство языка, традиций, обычаев. Схожи наши легенды, эпос, песни. Вот почему мы всегда чувствуем близость творчества Чингиза Айтматова — и не только его одного — к казахской литературе.

Чуткость к книгам Чингиза обострена в нас и незабываемым Мухтаром Ауэзовым — автором доброго напутствия «Джамиле». Мухтар-ага всегда ставил его в пример молодым казахским писателям. Он видел в Айтматове художника большого вдохновения, «со светлой оптимистичной направленностью», подчеркивал лиризм и гражданственность его творчества.

Начиная с «Джамили» каждое произведение Чингиза Айтматова мы воспринимали как художественное открытие, как откровение таланта. Так было с повестью об Асель, о Толгонай, о Танабае.

Черная темы для своих

Начало обсуждения повести Ч. Айтматова смотрите в прошлом номере «ЛГ».

ха, завещала нам дружбу и в жизни и в памяти...»

Он хранитель древней и по-своему прекрасной традиции любви к ближнему. Хранитель доброго обычая. Поэтому только «одним можно было сильно обидеть Момуна — позабыть пригласить его на совет родственников по устройству чьих-либо поминков... Тут уж он крепко обижался и серьезно переживал обиду, но не оттого, что обошли его — на советах он все равно ничего не решал, только присутствовал, — а оттого, что нарушалась **исполнение древнего долга**» (подчеркнуто мной. — А. А.).

Возможно, я не прав, приписывая поступки Момуна традиции. Но каждый судит о человеке в меру своих познаний жизни. В аулах моего края тоже есть старики, подобные Момуну. Хранимые и пересказываемые ими легенды историч-

создавал тогда поэтические легенды — такие есть у всех наций. Вспомните хотя бы Белого пса у монголов, вспомните «Синего волка» — прародителя тюркских народов, или волчицу, воспитавшую Ромула и Рема у римлян. Сингалы, живущие на Цейлоне, считают своим прародителем льва и называют себя сингалезами. Мифы, легенды и сказки о первородстве облагораживались лучшими художниками — гуманистами всех времен и народов в полотнах, в граните и мраморе, в эпосе и песнях.

Вот как записана легенда о Рогатой Матери-оленихе Чоаном Валихановым более ста лет назад:

«Бугу» — значит олень. О происхождении названия в народе существует замечательный миф. Кара-Мурза и Асан (герои легенд. — А. А.), охотясь за оленями на горах Ала-Мышых, увидели в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьи-

ственного места, решила выпить заветную воду и от этого зачала сына и дала ему имя Джелден (от ветра).

...Киргизы до сих пор свято чтят память этой рогатой матроны и в горестных случаях своей жизни приносят ее памяти жертвы рода с мольбами к ней.

Она считается покровительницей озера Иссык-Куль, и, по мнению народа, дух ее витает над Иссык-Кульской долиной».

Ее дух и сегодня витает в горах Киргизии, над Иссык-Кульской долиной, где раскинулись анлы бугинцев. Сказка о Рогатой Матери — сказка о происхождении рода — обращена в будущее, потому что она воспевает победу добра над злом.

ДОБРАЯ сказка эта жила и в сердце мальчика, который тайно рассказывал о ней своим друзьям — бинкю и портфелью, камням. Возможно, и не только как